

ЦРИНА
ГРИГОРЬЕВА

ЧУВСТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

Ирина Григорьева

Чувства

«Издательские решения»

Григорьева И.

Чувства / И. Григорьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909326-4

Всё, что происходит в нашей жизни — либо ради любви, либо ради денег и власти, либо ради удовлетворения... Либо, либо, либо. Разве знала Алёна, что она — простая девчонка из таёжной деревни — способна управлять чужими чувствами? Но этот дар — не благодать, тем более что рядом с ней человек, который хочет владеть этим миром. И если вам вдруг покажется, что вы чувствуете совсем не то, что должны, — подумайте: а не решил ли кто-то управлять вами, ведь мир потихоньку сходит с ума...

ISBN 978-5-44-909326-4

© Григорьева И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
РАССКАЗ ПЕРВЫЙ	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
РАССКАЗ ВТОРОЙ	21
Глава 1	21
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чувства

Ирина Григорьева

Редактор Николай Стрыжак

Дизайнер обложки Евгений Шмалько

© Ирина Григорьева, 2018

© Евгений Шмалько, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-9326-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается

Моему папе, который научил меня чувствовать и верил в меня до последнего своего дня.

Чувство – эмоциональный процесс человека, отражающий субъективное оценочное отношение к реальным или абстрактным объектам. Чувства отличаются от аффектов, эмоций и настроений...

Википедия.

«... 7.9 Как! вы крадёте, убиваете и прелюбодействуете, и клянётесь во лжи и кадите Ваалу, и ходите во след иных богов, которых вы не знаете...».

Ис 1, 23. Иер 9, 2.

«... 7.34 И прекращу в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос торжества и голос веселия, голос жениха и голос невесты; потому что земля эта будет пустынею...».

Иер 16, 9. Иер 25, 10. Иез 26, 13.

Книга пророка Иеремии. Глава 7.

Пролог

14 апреля 1998 года. Из записей Давида

Сегодня мы, как обычно, спорили с Наташей...

Она сказала, что вмешалась в этот процесс только потому, что была обеспокоена мыслями клиента. Он, по её словам, вынашивал план о суициде. Чаще всего, она не реагирует на такие послы в виду того, что человек вправе сам выбирать свою участь, но в этот раз расхождение мыслей и чувств клиента было очевидным. И это несоответствие как раз и является её работой.

Мы почти сутки провели в квартире по соседству с клиентом.

Наташа редко общалась со мной. В основном она находилась в трансе, исследуя сознание клиента.

Из её заключения следовало, что молодой человек – точный возраст 21 год – долгое время подвергался психологическому давлению со стороны своего отца, который занимался воспитанием сына, в основном используя упрёки, приказы и даже физическое наказание. Но, со слов Наташи, в нашей подопечном – несмотря на трудное детство – преобладает позитивное восприятие действительности. Свой субъективный мир он оценивает со знаком плюс. Мира внешнего – опасается, но не настолько, чтобы возникала агрессия.

Итак, грубое вмешательство отца в неокрепшую психику привело к возникновению суицидальных мыслей, напор которых в данную минуту достигает критической точки.

С помощью воздействия на чувства молодого человека – а именно: предельное внимание Наталья уделила чувствам самосохранения и радости – удалось выровнять эмоциональный фон клиента. Сейчас парень вне опасности. Встречается с друзьями. Помирился с девушкой...

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Глава 1

В это утро преподаватель курса гештальт-психотерапии Давид Р. впервые опоздал на работу. Сработало сразу три закона подлости: ночью сел телефон и, соответственно, не прозвонил будильник; потом не завелась его старушка «Ауди»; а в довершение ко всему маршрутка, в которую он запрыгнул в последний момент, въехала в зад иномарке. Да, и ещё пошёл сильный дождь...

Давид был зол, хотя давно считал себя не способным на эту эмоцию.

Когда он ворвался в аудиторию, промокший до нитки, студенты, занятые своими делами, его не заметили. Пришлось потратить ещё минут пятнадцать, чтобы настроить этот улей на нужный лад. В итоге запланированная им лекция по чувствам была сорвана, верней, скомкана. Никто – в том числе и сам преподаватель – не имел интереса к тому, о чём говорится. И это было странно...

Потом, когда прозвенел звонок, и студенты убежали на другие пары, Давид вдруг подумал о том, что отсутствие интереса с ним тоже случилось впервые за долгие годы. Что-то, а чувства и эмоции последние два десятка лет для него были темой особенной.

Всё дело в том, что давным-давно – когда он ещё сам усердно грыз гранит науки – он познакомился с необычной девушкой. Не то чтобы она отличалась от всех внешне, нет – она была мила, даже красива, но вот то, что она порой вытворяла, совершенно не вязалось с тем, к чему он, как обычный человек, привык. А именно: она виртуозно управляла чужими чувствами. Ни меньше, ни больше.

Услышав подобное заявление, Давид посмеялся над ней, пожурил даже за излишнюю самонадеянность. И быстренько об этом пожалел.

Она – эта, по сути, девчонка ещё – сделала, какие-то непонятные движения руками, и он задохнулся в приступе страха. Едва всё закончилось, как он уже самостоятельно испытал восторг.

Несколько дней он всё обдумывал, и захотел воспользоваться её способностями в личных целях. Провоцировал девушку на всякие авантюры, но она не поддавалась. А вскоре и вовсе исчезла на целых два года.

Давид её и позабыл уже, решив, что это знакомство ему померещилось. Но она неожиданно появилась. Пришла как-то утром к нему домой. Заплаканная, трясущаяся всем телом, словно только что из холодильника выскочила, и очень беременная.

И Давид тогда первый раз в жизни взял на себя ответственность за другого человека...

Давид открыл ящик стола и достал конфетку. Страсть к сладкому была его тайной. Он не позволял себе прослыть сластёной в обществе, но, оставаясь в одиночестве, становился похож на ребёнка. Сейчас, когда аудитория опустела, он мог без опаски наслаждаться вкусом шоколада...

Преподаватель был весьма хорош собой. Его тёмные, как южная ночь глаза излучали уверенность. Чёрные до плеч волосы, которые в стенах университета он собирал в хвост, вызывали восторг у женской половины вуза. Молоденькие студентки сравнивали его с Эдрианом Полом, сыгравшего когда-то Горца в одноимённом фильме, и тайно вздыхали.

И хотя евреем он не был, имя ему дали библейское.

Родителей своих он не знал. И рос, как перекасти поле, то – оседая в детдомах, то – у каких-то дальних родственников.

Возможно, именно это послужило причиной тому, что он, в конце концов, проникся чувством к странной девчонке. Она жила у него вплоть до родов, а потом Наташа – так её звали – в очередной раз повергла в его шок, причём – без всяких там своих штучек.

Едва малышке исполнился год, она заявила, что хочет отдать ребёнка. Он попытался отговаривать, но и она слышать не хотела об обратном. Говорила про то, что ей с её способностями вообще детей запрещено иметь, и на такой шаг она идёт ради безопасности дочери.

Давид окончательно запутался в происходящем, и только где-то глубоко в подсознании маячило необъяснимое согласие с таким поступком. В итоге он сам отвёз крошечную Алёнку в глухую деревню на Севере и отдал бабке Тасе, которая – по словам Наташи – была единственной её родственницей. Больше девочку они не видели.

Всё, что происходило потом, для Давида до сих пор являлось то ли сном, то ли причудами воспалённого сознания. Но только для того, чтобы смириться с ролью помощника женщины – которая по щелчку пальца меняла ход человеческих судеб – потребовались годы...

Давид всё ещё предавался воспоминаниям, дожёвывая конфету, когда на столе задрезжал, поставленный на вибросигнал телефон. Он быстро проглотил сладкие остатки и нажал на приём.

– Привет, – заговорила трубка приятным женским голосом. – Опять конфеты лопаешь?

– Имею право, – отозвался мужчина. – Только что «пару» отвёл.

– Ну да... Ну да... – с нотками лёгкой иронии проговорила собеседница, но в следующую секунду её тон резко изменился. – Есть дело. Ты будешь свободен через час?

– Опять будем в чувства кого-нибудь приводить? – попытался съязвить Давид.

– Давид, – она произнесла его имя с ударением на первом слоге. – Сейчас не время шутить. Как, впрочем, всегда – если дело касается чувств. Будь готов через пятнадцать минут. Я заеду.

Она отключилась, а Давид потянулся за очередной дозой конфетной глюкозы.

За годы тесного сотрудничества с Натальей он привык, что она чаще всего была лишена какой-либо сентиментальности. Все дела спокойно, взвешенно и даже надменно.

К нему она относилась больше přátельски. Поводов для романтики не давала, хотя он предпринимал попытки сблизиться. Это задевало.

Он был для Наташи скорее врачом, этаким научным сухарём – дающим объективную оценку эмоционального состояния клиента – чем парнем, который по воле судьбы стал свидетелем её ярких паранормальных способностей.

Но почему он так и не ушёл – оставив её одну разбираться с человеческими чувствами – он и сам не знал.

Но он придумал ей прозвище – теперь она называлась «Чувствительницей».

Первое время он с восхищением следил за действиями Наташи, то и дело поправлял отвисшую челюсть и даже хлопал в ладоши. Но когда знаний стало больше – Давид перестал удивляться. Всё больше в его сознании стало преобладать рациональное, а в делах – расчётливое...

Лет через пять он стал вести записи их с Наташей дел. Потом перечитывал, пытаясь всколыхнуть в себе хоть что-то из прежних чувств, но они словно заморозились. Нет, он, конечно, испытывал и хорошо осознавал свои чувства, только они стали – как бы это сказать? – пресными, что ли. А вся его жизнь походила на бесконечный лабораторный опыт. Он словно писал научную диссертацию, конца и края которой не было видно.

И порой Давиду хотелось выть от зависти, когда он наблюдал за тем, как светится человек, только что испытавший прилив острых эмоций...

Давид поднялся со своего стула и пошёл к выходу. Уже закрывая дверь на ключ, он услышал торопливые шаги за спиной. Методист Оксана снова спешила поймать его перед уходом, чтобы пококетничать.

– Ах, Давид! – театрально всплеснув руками, выпалила она немного прерывистым от быстрой ходьбы голосом. – Вы уже покидаете нашу альма-матер? Когда же ждать вас снова?

– Не скоро, – буркнул Давид, даже не взглянув в её сторону, но она не сдавалась.

– Значит, завтра пар нет. Ну понятно: суббота, кому хочется работать... А я вот буду, к сожалению. Вы теперь в понедельник появитесь?

– Я же сказал, что не скоро. У меня дела, – Давид добавил в свой голос металлические нотки.

– Так когда? – девица упорствовала.

И Давид от злости выпалил, что, может, через год, а может, и через два.

Та ойкнула, зажала рот ладонью, совершенно не ожидая такого ответа, а мужчина, воспользовавшись её замешательством, быстро поспешил прочь.

Он ляпнул это от балды, в надежде отделаться от надоедливой особы, и ещё не знал, что говорит правду. Во всяком случае в ближайшие двенадцать месяцев дорога в университет будет ему заказана.

Глава 2

Егор открыл глаза. Сон пропал так же резко, как и совсем недавно пришёл. Опять снилась она...

Эта странная девушка, совсем не соответствующая его вкусам – он, как и большинство мужчин, предпочитал стройных блондинок, а эта – чернявая, да ещё и в теле – стала приходить к нему в сны несколько месяцев назад. Сначала это было ненавязчиво, и он запросто отмахивался от сна, как от назойливой мухи. Но со временем гостья настолько прочно обосновалась в его ночных видениях, что ему пришлось придумать ей имя. Назвал Лианой. Почему именно так, он и сам не знал, просто с таким соотношением гласных и согласных она казалась ему более привлекательной.

Лунный диск висел аккуратно открытого окна, и мягкий голубой свет проникал в комнату, услужливо освящая предметы.

Парень приподнялся на локте и ритмично покачал головой, сбрасывая остатки сна.

Рядом раскинулось тонкое тело с жёлтыми, как высушенная на солнце солома, волосами. Девушка крепко спала, и во сне её губы то слегка надувались – словно в поцелуе – то распрямлялись, издавая при этом тихий свист.

Егор откинул простыню, спустил босые ноги на пол и встал. Он был полностью обнажён. Не стараясь делать всё тихо, он, наоборот, как можно громче шлёпал по ламинату, но барышня не реагировала.

Его небольшая квартира-студия сейчас выглядела как свалка. Тут и там валялись пустые бутылки, одежда, носки, нижнее бельё. Тут же на полу стояли стаканы с недопитыми напитками и пепельницы, полные окурков. В углу одиноко примостилась гитара, почему-то перевернутая верх ногами. В прошлой жизни он, кажется, любил перебирать струны и петь песни. Но сейчас брал инструмент в руки, только когда был под градусом.

Егор подошёл к раковине и наполнил единственный, оставшийся чистым бокал, водой. Залпом выпил её, подкурил сигарету и направился к окну...

Город спал.

Звенящая тишина повисла в ночном воздухе, оберегая его хрустальный мир от любого посягательства.

Почему хрустальный?

Да просто ещё сопливым юнцом, когда ему сообщили, что отца сбила насмерть машина, он решил, что реальность слишком хрупкая и капризная, чтобы полностью ей довериться. А ополоумевшая от горя мать, медленно но верно сгнивающая в месиве безумия, только подтверждала его вывод.

Егор рос, как придорожная трава, в силу скверного характера подолгу нигде не задерживаясь – ни у родственников, ни в детдомах.

Он очень дорожил свободой. Она в его представление была слишком дорогим подарком, чтобы так её легко разбазаривать.

Егор обожал ночь. День был для него мукой, и он старался относиться к нему философски: ведь зачем-то же светлое время суток было необходимо... Хотя, выбирая профессию, он руководствовался как раз тем, что не будет привязан к графику «с 9 до 18», и с особым удовольствием отправлялся в ночные поездки.

Он служил машинистом на РЖД...

Егор перевалился через подоконник и стал рассматривать пустую улицу. Вдоль проезжей части выстроились – как стражники на посту – светофоры, которые беспрестанно подмигивали жёлтым глазом. Нервный тик у них что ли? Им вторили неоновые вывески магазинов.

Парень задрал голову. Гроздь звёзд, свисающие с тёмно-синего неба, украшали своим присутствием момент.

Егор выбросил окурок, набрал полные лёгкие воздуха и со всей дури крикнул:

– Э-е-ей!

Пустота разорвалась.

Девушка в кровати сонно перевернулась на другой бок и опять засопела.

Егор подбежал к ней и начал тормошить.

– Вставай. Вставай. Мне нужно ехать.

Она недовольно открыла один глаз и пробормотала:

– Куда? Ночь на дворе.

– Ну и что. Мне за свободой ехать надо, – и он громко рассмеялся.

– Дурак.

– Вставай, Софья, и дуй восвояси.

Он ещё раз толкнул её в плечо, чтобы она до конца поняла всю серьёзность его намерений, и стал одеваться. Он уже натянул плавки и теперь прыгал на одной ноге, пытаясь попасть в штанину рваных джинсов.

София села в кровати и злобно наблюдала за его движениями из-под наращённых ресниц. Её любовник был красив. Немного грубоватые, но от этого ещё более мужественные черты лица. Глаза с редким зеленоватым оттенком, обрамлённые густыми, но не слишком длинными ресницами, смотрели на мир нагло, высокомерно. Стройное тело с кубиками пресса на животе, было пропорционально во всех отношениях. Да и ростом не подкачал. Двигался он, как-то развязно, но в тоже время уверено.

Они провели вместе сутки, не отказывая себе в разнообразных порочных удовольствиях. Где-то после десятой рюмки и косячка, он заговорил про любовь, но теперь, судя по всему, даже под дулом пистолета об этом не вспомнит. София надулась ещё больше, но спорить не стала – слишком хорошо знала его упёртость – и принялась нехотя одеваться.

– К дому-то доставишь? – спросила она, когда её коротенькое летнее платьице уже оседало на теле.

– Сама дойдёшь. У нас не Москва – всё под боком.

Софья гневно прыснула, на ходу запрыгивая в туфли на высоченном каблуке, потом подхватила со стула маленькую сумочку, и громко хлопнув дверью, выскочила прочь.

Егор облегчённо вздохнул и замедлил темп сборов. Расслаблено втиснулся в чёрную футболку, залез в чопперы¹, поблёскивающие металлическими мысами. Потом сел на пол.

Последнюю бутылку виски, валявшуюся возле кровати, они не успели опустошить, и он жадно приложился к ней, чувствуя, как в крови снова начинают плясать серотонин².

Егор не был алкоголиком в медицинском понимании этого термина. И раньше вообще старался употреблять спиртное в редких случаях отдыха между тренировками в спортзале и работой. Но в последнее время ему постоянно чего-то не хватало. Он словно разделся на две части. Одна хотела прежней расхлябанности, а другая – тянулась к чему-то, чему он ещё сам не дал определения.

В общем, разрывало порой, и всё.

¹ Здесь – брутальные байкерские сапоги, неотъемлемая часть экипировки байкера. Не путать с таким же словом «чопперы» – специальные байкерские мотоциклы. (Прим. автора).

² Это вещество является нейромедиатором головного мозга и гормоном. Попадая в кровь, он вызывает у человека прилив сил, поднимает настроение, увеличивает сопротивляемость неблагоприятным факторам. (Прим. автора).

Его стали утомлять вечно вьющиеся возле него девушки. Встречался он с ними скорее по инерции, чем по велению сердца.

Друзья бесили примитивностью мысли, а работа, раньше казавшаяся самой романтичной на свете, стала потихоньку опостылевать.

Егор накинул кожаную косуху, снял с зарядки телефон – надо же, додумался-таки поставить! – и направился к выходу. По пути одной рукой подобрал бутылку с янтарной жидкостью, которая ещё бултыхалась на дне, другой – подхватил мотоциклетный шлем.

Он виртуозно водил автомобиль, отлично разбирался в хитростях электровоза, но предпочитал байк. Когда-то друг ради забавы дал прокатиться, он нехотя оседлал стального коня, но уже на первом километре – когда ветер, обдувающий со всех сторон, начал яростно насвистывать ему любимую песню о свободе – он понял: на что подойдёт его заначка, собирающаяся долгие годы.

Ночная улица встретила Егора лёгким приятным ветерком.

Он глотнул ещё немного виски и запихал за пазуху флакон. Вставил наушники, сделал звук погромче и втиснул голову в любимый «акул»³.

Как и многие дети, родившиеся в девяностых, Егор вырос на «Брате»⁴ и слушал только рок-группы. Он терпеть не мог слащавые завывания современной попсы и считал своим долгом быть крутым, но при этом – простым. Его частенько тянуло в заварушки, но благодаря своей феноменальной удачливости, он ещё толком не попадал под раздачу. Так, пара синяков, как красивое дополнение к мужественности, да сломанное ребро.

Мощный движок «Харлея»⁵ пару раз рывкнул и наконец взвыл, разнося по спящей округе оглушительное эхо.

Но Егору наплевать. Теперь его занимала только дорога, музыка и свобода.

³ Мотоциклетный шлем, напоминающий своим видом пасть акулы. (Прим. автора).

⁴ «Брат» – российский художественный фильм режиссёра Алексея Балабанова, боевик, криминальная драма. (Прим. автора).

⁵ Марка знаменитого байкерского мотоцикла. (Прим. автора).

Глава 3

Наталья села в кресло и укутала ноги пледом...

В большой тёмной комнате было прохладно, хотя в камине всюду полыхали берёзовые поленья. Язычки пламени поднимались высоко и отбрасывали причудливые играющие тени по всему периметру помещения. Оно было пустым. Только стул, сиротливо стоящий недалеко от камина, да маленький журнальный столик на изогнутых деревянных ножках. Тяжёлые виниловые обои плотно прилегали к высоким стенам. Их рисунок смутно напоминал осенний сад. Кое-где поблёскивали освещаемые огнём золотые листочки, но в основном намешались коричневые цвета разных оттенков.

Женщина посмотрела в горящую топку и улыбнулась. На вид ей было чуть больше сорока, но лицо её ещё сохраняло дыхание молодости. Большие, чёрные миндалевидные глаза, обрамлённые сеточкой едва заметных морщин, излучали доброту и одновременно – решимость, от чего любой – кто увидел бы её – сказал, что перед ним мудрая личность.

И, наверное, не ошибся бы. Она действительно знала немного больше, чем остальные. Но эти знания, когда-то казавшиеся ей константой и оплотом существования в этом мире, сейчас приносили только страдания.

Наташа убрала за ухо локон тёмных, ещё не тронутых сединой волос, и положила на колени маленький тонкий альбомчик, до этого надёжно укрытый в складках её широкой юбки в пол. Там был карманчик, который она когда-то сама пришила для хранения важных вещей, считая, что они всегда должны быть рядом, иначе связь с той – для которой она на самом деле жила – будет потеряна.

Эти моменты покоя она любила больше всего. В её непростой жизни, насыщенной сплошной непредсказуемостью, такое время – когда она могла стать обычной – выдавалось крайне редко. И она не могла упустить такую возможность перед очередным делом.

Наташа ещё раз бросила взгляд на пламя, словно заряжаясь от него энергией, и открыла первую страницу альбома.

Её глаза увлажнились, когда она провела рукой по чёрно-белому снимку – улыбающийся карапуз в ползунках и белом чепце радостно поглядывал с фотографии. Его ручки тянулись к тому, кто фотографировал, но женщине казалось, что он тянется именно к ней, сейчас, в данную минуту.

Она перевернула страницу и впиалась взглядом другую карточку – теперь малыш приобрёл пол девочки. Её запечатлели на поле среди ромашек и одуванчиков. Яркий сарафанчик задрался, обнажая пухленькие перетянутые невидимой тесёмкой ножки, а на голове в этот раз была косынка, из-под которой выбивались упругие чёрные кудряшки. Глаза ребёнка казались большими чёрными бусинами и смотрели в объектив серьёзно.

За спиной у Наташи скрипнула открывающаяся дверь, но она не среагировала на звук. Ей не обязательно оборачиваться, чтобы понять, кто зашёл в комнату.

Через мгновение крупная смуглая ладонь осторожно легла на её плечо.

Она тут же накрыла её своей.

– Я сделал, что ты просила. Можем выезжать ночью.

Но она словно не услышала и сказала как будто сама себе:

– Я даже не знаю, как она выглядит сейчас.

Давид опустился рядом с ней и положил свои крепкие руки на её колени. Он был высок, и даже присев, не казался ниже своей собеседницы.

Что-то в её поведении насторожило его. Он ещё не видел Наташу такой. И сейчас был в замешательстве относительно того, как правильно себя повести. С одной стороны – он опасался, что её неизвестно откуда взявшаяся сентиментальность может резко перерасти в гнев,

когда она увидит его искреннее сочувствие; с другой – именно о такой Наташе он мечтал долгие годы.

В итоге решил действовать спонтанно. В конце концов, большой роли в их отношениях этот момент уже не сможет сыграть.

– С ней всё в порядке. Ты же знаешь. Я только на той неделе говорил с Таисией, – он провёл по её ногам рукой. – Посмотри на меня, Наташа. Посмотри. Ты же сама говорила, что не могла поступить иначе. Так не кори себя сейчас.

– Да... Но это выше моих сил. Я скучаю за ней. Я вижу её во сне, – тихо отозвалась Наталья. – Она наверняка красива, как только что распустившаяся роза.

– Она – вся в тебя, – мечтательно сказал мужчина и тут же спохватился, но было поздно.

– Что значит «в меня»? Ты видел её? – она откинула руку мужчины, поднялась на ноги и теперь смотрела на него сверху вниз. – Давид, я прошу тебя, скажи: ты видел её?

Давид поднялся, и Наташа сразу стала маленькой, едва доходившей ему до подбородка. Он посмотрел на неё с грустью.

Несколько месяцев назад он попросил Тасю прислать снимок Алёны, но показывать Наташе не стал – ведь это был его личный интерес. И вот теперь она сама захотела узнать, какой стала её дочка.

– У меня есть её фото.

– Я должна взглянуть на него, – в голосе Наташи снова появились привычные металлические нотки.

– Хорошо. Пойдём.

Несколько минут Наталья стояла неподвижно, сжимая в руке цветную фотографию, на которой застыла движущаяся куда-то девушка. С её чёрными как ночь волосами играл ветер. Рука замерла поднятой, она пыталась утихомирить взметнувшиеся локоны. А глаза – точная копия материнских! – смотрели жёстко, без единого намёка на лояльность к окружающей действительности. Одетая она была в длинный безвкусный сарафан, чем-то смахивающий на балахон старухи. Плотное, даже крупноватое тело покрывала смуглая кожа.

– Нам пора, – наконец произнесла женщина и тихо добавила. – Её всё равно уже не переделаешь.

Она бросила снимок на пол и твёрдой походкой вышла из комнаты.

Давид в очередной раз подумал, что снова ничего не понимает. Но нашёл в себе силы не устраивать допрос, догадываясь, что Наташе всё равно придётся рассказать о своих опасениях.

Он подобрал с пола фотографию и пошёл за ней.

Глава 4

– Эй, Алёнка-картонка! Погадай на руке, может, я завтра разбогатею, – противно издавал звуки коротенький крепыш с косолапыми ножками.

– Если только в цирке уродов начнёшь выступать, – не полезла за словом в карман девушка.

Малявка обиделся и раздулся как рыба фугу⁶ в момент опасности, аккумулируя свой яд во рту. Уж очень хотелось выплеснуть его на эту зазнавшуюся ведьму, но его отвлекли. Он громко сплюнул себе по ноге, зло зыркнул маленькими глазками на Алёну и, процедив сквозь зубы что-то о том, мол: «Мы ещё увидимся...», – заковылял к товарищам.

Алёна проводила его взглядом и принялась снова орудовать тяпкой...

Она не любила все эти огородные дела и выходила к грядкам только из чувства долга перед бабушкой. Выйдет, а сама ворчит – часы считает, минуты подгоняет. И так – пока последняя травинка не исчезнет.

Алёнка с детства привыкла, что у неё в этом мире никого кроме бабушки нет. Да и ничего против этого не имела.

Люди всегда казались ей иноземцами без царя в голове, а от того – способными на любые пакости. Она чуралась их, не доверяла и старалась не разговаривать, а уж если заговорит, то доброго слова никогда не выскажет.

Хотя отчасти дело было не только в её странности. Просто так в посёлке повелось, что их с бабулей считали чудными, а покосившийся старый домик соседи именовали не иначе как «ведьмина изба» и без надобности в гости не заглядывали, обходили стороной.

Сколько Алёна себя помнила, сельчане и приезжие к ним заявлялись лишь тогда, когда кому-то совсем худо становилось. И тогда бабка Тася бралась за дело. Кого-то вытягивала с того света, а кого-то, наоборот – подготавливала к уходу.

Что она ожидавшим смерти говорила – никто не знал, но после её сеансов эти люди преображались на глазах и доживали последние часы счастливыми. И как будто бы даже светились изнутри. Причём никакой разницы не имело – молодой ли человек или старый.

Могла баба Тася и карты раскинуть, но делала это редко и не для каждого. Долго всматривалась в расклад и наконец заявляла: «Иди, всё хорошо будет...», – или говорила. – «Жди беды...». Ничего другого от неё добиться не представлялось возможным.

Эта её немногословность и вселяла в обывателей страх. А ещё – точность прогнозов.

Алёнка бабкиных премудростей не любила, хоть и помалкивала об этом. Она старалась делать вид, что не замечает, как та – после очередного посетителя – подолгу сидит, уставившись в одну точку, и даже дыхания не слышно. Но внучка ни о чём не спрашивала и уж тем более не просила раскрыть ей тайну заговоров.

Всё, что она себе позволяла, так это сходить с бабой Тасей в леса. Они в их северных широтах дремучие, хвойные, сплошь кедр, ольха да лиственница – тайга, одним словом. Никаких особых трав знахарка там не собирала, разве что грибы по осени домой таскала.

Алёнка сначала пробовала задавать вопросы: «Что, зачем, да почему...», – но ответ всегда получала один. – «Слушай просто...».

Так и бродили они – бабуля да внучка – от рассвета до заката по непролазной чащобе, даже словом не обмолвившись.

⁶ Ядовитая рыба фугу. Эту рыбу именуют по-разному, но настоящее её название – бурый скалозуб, а фугу – это название японского блюда, которое из неё готовят. (Прим. автора).

Одно радовало Алёну – комары да мошки её не кусали. Как будто даже стороной облетали. И поэтому смогла она всё-таки научиться слушать особенную таёжную тишину. Нырляла в неё и плескалась на волнах покоя. Ничего важного не говорила тишина, но от этого казалась девушке ещё более ценной.

Ни к чему ей в жизни лишние сложности...

Окончив школу, Алёна – в отличие от здешней молодёжи – не спешила упорхнуть за лучшей долей. Не строила планы на счёт института.

Она даже на выпускной не пошла – настолько неприятно ей было слушать разговоры о том, что где-то может быть лучше, чем в её родном краю. В классе её недолюбливали, поэтому никто не заметил отсутствия девушки.

Как-то она услышала разговор двух одноклассниц о себе...

Девчонки говорили о том, что рядом с Алёной находиться страшно, что от неё странная энергия идёт и заставляет бояться чего-то или гневаться больше меры.

Алёна не понимала, как она может кого-то что-то заставить чувствовать и поэтому разговор этот отнесла к обычным сплетням придурочных подростков, начитавшихся хоррора⁷.

А между тем, она действительно могла как-то по-особенному влиять на других. Её глаза – практически всегда светившиеся ясным, даже кристальным блеском – были серьёзны и словно сверлили окружающих насквозь.

Возможно, родись она в средневековье, ей бы не дали прожить долго. Сожгли бы на инквизиционном костре, как нечисть, а может, утопили бы, кто знает...

В наши дни Алёна отделалась легко – всего лишь перешёптываниями о ней и косыми взглядами, что, в общем-то, её несильно-то и напрягало.

Про мать Алёна редко спрашивала, боялась услышать что-нибудь плохое. Не интересовалась и причинами, почему её оставили у бабушки.

«Раз решили так сделать, значит – было необходимо...», – думала Алёна.

Но иногда воображение всё же рисовало ей встречу с мамой. И тогда прозрачная скупая слезинка медленно стекала по щеке. Но на том всё и заканчивалось – до истерик и подростковых заскоков дело не доходило...

– Алёна, обедать иди, – послышался бабушкин голос.

Она тут же бросила своё орудие труда и чуть ли не вприпрыжку побежала к дому.

В сенях витал пряный запах свежих щей...

Домик их, неказистый снаружи, внутри был вполне ничего. За чистотой хозяйки следили. Жили не богато, но всё что нужно имелось.

В редкие дни бабуля выезжала в город, что значился райцентром, и возвращалась всегда нагруженная. Алёнке только диву оставалась даваться, видя, как восьмидесятилетняя старуха бойко спешит к калитке, нагруженная – словно войлочный вол – сумками да пакетиками.

К слову, и выглядела бабуля гораздо моложе своих лет. Подтянутая, резвая, морщин на лице – раз, два и обчёлся. Глаза ясные, голубые, нос кверху. Волосы только хорошенько сединой мазануло, но ей это шло. А улыбка – таинственная и обволакивающая – красноречивей любых слов могла сказать, что владелица её секретов жизни знает немало.

Алёнка зашла в кухню, которая служила им ещё гостиной, где баба Тася хлопотала возле плиты.

Пискнула микроволновка, и девушка поспешила достать из неё тарелку с пышными оладушками.

Бабуля налила наваристого супца и поставила перед внучкой. Ещё немного повозилась и сама присела за стол.

⁷ Хоррор (англ. horror – ужас) – это жанр ужасов в кино и литературе. (Прим. автора).

Ели они в тишине. Трапезу разговорами никогда не нарушали, зато после подолгу болтали о том и сем.

Насытившись, Алёна отнесла грязную посуду в мойку и, поблагодарив бабушку, хотела снова бежать на огород, но та её остановила.

– Сядь, Алёнушка, я спросить кое-что должна.

Алёна послушно присела на своё место и, подперев голову руками, уставилась на собеседницу.

– Скажи мне внучка: какие сны тебе снятся?

Алёнка помимо своей воли залилась краской и, опустив руки, заёрзала на стуле. Чего-чего, а такого вопроса она точно не ожидала...

Сны её были неприкосновенны, и не потому, что она считала их чем-то священным, просто последние несколько лет виделось ей одно и то же, верней, как будто фильм какой смотрела. Причудливый, цветной, со спецэффектами, и главный герой имелся. Парень молодой или мужчина уже – она ещё не определилась, но приходил он к ней, как к себе домой. Красивый, статный и нежный. Алёнка даже имя ему придумала. Назвала Романом. Почему – не знала, просто слово это было синонимом любовных отношений, а во сне у них так и было.

И сейчас бабуля ни с того ни с сего решила узнать именно об этом.

Алёнка мысленно посчитала до пяти и как можно спокойней произнесла:

– Ничего мне не снится, сплю как убитая.

– Не ври! – вдруг резко произнесла бабушка. – Только ты знать должна – скоро одна останешься.

Ничего непонимающая внучка заморгала глазами и растерянно уставилась на родственницу. Та же, не изменяя интонации, продолжала:

– Мне уходить пора. Я, что могла – уже сделала. А парня этого найди. Он тебе поможет.

Алёнка взвилась юлой со стула и, словно не слыша последних слов, прокричала:

– Не смей так говорить. Зачем ты так со мной? Куда уходить? А я?

Но бабуля уже не слышала, она застыла в той самой позе, которая всегда вызывала во внучке дрожь, и отсутствующим взглядом уставилась в одну точку.

Алёнку разобрало зло. Она выскочила из дома, чуть не сшибла в коридоре кота Мотьку и побежала в сторону леса...

Она бродила там до позднего вечера и слушала. Она, быть может, и не стала бы этого делать, но тайга заставила. Заставила, впервые обрушив на неё свою таинственную тишину по-особенному тяжело, словно камень кто на шею привесил.

Алёнка хотела поплакать, прокричаться, но голос застывал где-то в горле, только какие-то хлюпающие звуки получались. Наконец она сдалась и повернула в сторону дома...

Там всё было как обычно: бабуля, сидящая у стола; на нём булочки румяные и повидло яблочное; чай с мелиссой в больших фаянсовых кружках...

И девушка успокоилась, даже постыдила себя за срыв. Выпила напиток, не заметила, что вкус у него не такой как всегда, и ушла спать, чмокнув свою любимую старушку в щёку...

Но снился ей в эту ночь не Роман...

Виделась ей своя избушка, баба Тася, ходившая вокруг кровати, как зомби. Она что-то шептала, но Алёна так и не разобрала. Изредка бабка наклонялась и дотрагивалась до внучкиной руки. В это мгновение Алёна чувствовала, как пробегает по коже ток. Она пыталась подняться с кровати, но тело, словно чугунными цепями сковали. Лежала и только глазами туда-сюда водила, а под утро провалилась в бездну без картинок, звуков и ощущений.

Глава 5

14 июля 2014 года. Из записей Давида.

Запись ведётся через неделю после описываемых ниже событий.

После странного разговора с Наташей о её дочери я долго не мог уснуть.

Что такого страшного увидела она на снимке?

Я не стал расспрашивать её об этом, хотя всё время – пока мы ехали до места назначения – меня не покидало смутное чувство тревоги. Как будто бы оно даже повисло в воздухе и колыхалось там всю дорогу, подпрыгивая на ямах и съезжая в сторону на поворотах. Словом, оно было физическим.

Не могу сказать, что я очень обеспокоился этим чувством, скорей, наоборот, был рад снова ощущать острые эмоции.

Но вернусь к основному делу...

Мы приехали в какую-то небольшую деревеньку под Екатеринбургом. Здесь – как рассказала Наташа – уже более пяти лет действовала секта, возглавляемая неким отцом Сабином – то ли сумасшедшим, то ли обычным шарлатаном. Но, как бы там ни было, мужик этот в своих делах явно преуспел.

Как оказалось нас ждали. Наташа заранее позаботилась об этом, и спустя каких-то два часа после приезда, мы уже были адептами церкви со странным названием «Без чувств». Наташа потом призналась, что именно это название и привлекло её внимание.

Итак, мы прибыли к дому, внешне мало похожему на пристанище сектантской паствы. Он смахивал скорей на теремок. Белые резные наличники красиво гармонировали с конструкцией дома из дерева, выкрашенного в нежно-синий цвет.

Возле ворот нас встретил радостный пёс, он вертел своим пушистым хвостом, как пропеллером вертолёт, и казалось, что сейчас взлетит. Он пару раз гавкнул для приличия, и вскоре за калиткой послышались шаги.

Слегка обшарпанная калитка протяжно скрипнула, и на пороге появился невысокий мужчина с седыми, практическими белыми волосами, неопрятно свисающими вниз сосульками. Его маленькие глазки, чем-то напоминающие свиные, нас цепко просверлили.

Мы шли через длинный тёмный коридор, разделяющий дом на две части. На выкрашенных в белый цвет стенах висели иконы различных святых, горели лампы. Двери в комнаты были прикрыты, но, видимо – судя по протяжным монотонным завываниям, доносящимся из глубины – за ними молись. Несколько раз я слышал глухой стук, как будто кто-то со всего размаху прикладывался лбом к полу. Хотя, наверное, так и было...

Когда мы вышли на двор с другой стороны дома, я даже присвистнул от удивления.

Двор этот отличался образцовой чистотой. По периметру расположились высокие хозяйственные постройки. Были здесь и два высоких вольера с огромными немецкими овчарками, которые устрашающе клацали зубами, разбрасывая в разные стороны слюну. Между двумя сараями расположилась дверь, которая, скорей всего, вела в огород.

По двору ходили мужички в специальных комбинезонах. Кто-то тащил шланги для полива, кто-то – тяпки и косы. Женщин пока не было видно.

Но самым странным – и, пожалуй, страшным – было то, что лица работников не выражали никаких эмоций и скорей походило на маски, как будто кто-то написал для них программу, и теперь они были роботами.

Седовласый мужик, заметив наше замешательство, гневно гаркнул:

– Рты не разеваем. Следуем за мной.

Далее началось самое интересное...

Нас привели в дом, который кардинально отличался от теремка.

Двухэтажный особняк важно возвышался на пригорке. Помещения внутри были отделаны по последнему слову. Никакой вам деревенской простоты и набожной скромности. Всё кричало о богатстве хозяина.

Хотя, чему я удивляюсь...

Нас проводили в холл и усадили на мягкий полукруглый диван.

Через пару минут сюда же выкатился улыбающийся толстячок на пухлых кривоногих ножках. Одет он был неуместно для возраста и комплекции – по-мальчишески. Рваные джинсы, плотно облегающие ляжки, и белая – тоже рваная – футболка.

Он провёл с нами не больше десяти минут. Расспрашивал, изучал и в конце разговора заявил:

– Так, значит, устали от мирской суеты? Чувства замучили? Желаете покоя? Понимаю. Понимаю... Сейчас все устали. Разве можно нормально существовать в этой стране? Слушайте меня. Через пару дней все тревоги забудете. Благодать снизойдёт. Да-да, именно благодать. Ну, или просветление, как говорят на Востоке. Зачем вам чувства? Чувства разрушают, – потом он встал с кресла и направился к выходу, попутно завершая свой монолог. – Будете сначала послушниками. Молиться будете с утра до вечера. Пощады за грехи свои просить, отчищаться травками, а потом потихоньку начнёте жить местной райской жизнью. А теперь – марш в свои кельи. Там переоденетесь, покушаете, отдохнёте с дороги, поспите, а вечером – на службу.

Его самоуверенность меня сначала поразила. Это до какой степени надо верить в то, что делаешь, что даже вопросом не задаться: «А останутся ли новички?».

Но уже к вечеру я понял, что зря так думал – Сабин точно знал, что здесь остаются все, кто переступает порог...

Приблизительно через час после того, как я поел и лёг отдохнуть, я понял, что сделал это зря. С каждой минутой моё сознание мутнело всё больше и больше.

К моменту, когда за мной пришли – чтобы отвести на вечернюю службу – я уже мало что соображал, превратившись в безвольную куклу. Меня преследовали какие-то странные галлюцинации. Я то смеялся, то плакал, то вообще принимался выть, как волк на луну. А потом было недолгое забытьё...

Ночью меня нещадно рвало. Я блевал жёлчью, и охранник, приставленный ко мне, сильно матерился. К утру всё-таки привели доктора, и сутки мне пришлось провести под системой капельниц...

Когда я пришёл в себя, мне принесли еду и воду, один вид которых вызвал у меня новый приступ тошноты. Я наотрез отказался от яств, и тогда охранник, просверлив меня злым взглядом, вывали угощение на пол.

Я отвернулся к стене и пролежал так до обеда.

Днём пришла уборщица, убрала мой завтрак и передала записку от Наташи. Она писала, что всё хорошо, и я могу кушать, не опасаясь, что буду одурманенным. Она так и написала: «Не одурманенным».

А я предполагал, что меня отравили. Травки здесь, значит, были экзотическими.

В общем, я наелся и уснул...

Следующие два дня я пребывал практически в одиночестве. Из кельи меня не выпускали, а из людей ко мне заходил только охранник с подносом.

Я стал нервничать. Тревога, которая поселилась во мне ещё в машине, теперь не просто летала в воздухе – она наполняла всего меня и душила. Я задыхался от приступов паники. Руки мои тряслись, а небо пересохло.

Вконец измучившись этим состоянием, я решил воспользоваться некоторыми психологическими приёмами, а именно: попытался погрузиться в это чувство полностью, не загоняя его в подсознание.

Я лёг на кровать и, ненадолго задержав дыхание, медленно стал проваливаться в нечто подобное гипнозу. Спустя некоторое время у меня получилось, и я полностью погрузился в своё чувство тревоги, давая ему возможность стать мной. И мой ум отключился – или мне так показалось? – только теперь это чувство тревоги уже не выглядело столь устрашающим.

В какой-то степени я наслаждался им, в конце концов, не об этом ли я мечтал долгое время? Мечтал снова остро чувствовать...

На третий день появилась Наташа и сказала, что мы должны уезжать.

Сабина я почему-то не наблюдал. Зато возле моей Чувствительницы маячил какой-то странный старик. Он практически не говорил, только делал Наташе какие-то знаки руками...

Когда мы ехали домой, Наташа молчала.

Её что-то мучило, и я не выдержал, остановил машину и приказал ей всё рассказать. И сам этому был не рад...

Как выяснилось, с Сабином было покончено. Усилиями охраны странного старикашки он был отправлен в мир иной. Людей распустили, но вот работать с их чувствами Наташа не смогла. Её сил хватало лишь на одного человека, а толпа ей, к сожалению, не подчинялась. Слишком сильный поток отрицательной энергии действовал на неё как анестетик⁸.

Это открытие стало для неё болезненным, но долго думать об этом ей не дало другое обстоятельство – старик. Он появился неожиданно, когда Наташа уже совсем отчаялась от безуспешных попыток повлиять на эмоции адептов, быстро взялся за Сабина и его приспешников, а когда со всем было покончено – представился Наташе.

– Его зовут Арон Гурдесвьюр, – сказала Наташа. – И он знал моего отца.

Дальше я больше успокаивал Наташу, чем слушал её рассказ. В перерывах между истеричным плачем она успела поведать мне только о том, что этот человек знает о её способностях. И о том, что дети её – если они имеются – могут обладать куда более мощной силой, чем у неё. Про Алёнку она Гурдесвьюру, конечно, не рассказала.

Но я смутно подозревал, что делать ей это и не обязательно.

Он попросил её работать на него. И она не смогла отказать.

Я спросил у неё: «Причём тут её отец?», – но она снова разрыдалась, и я оставил попытки прояснить ситуацию до конца.

Одним словом, женщины!

Даже Чувствительницы.

⁸ Анестетик – это лекарственный препарат, предназначенный для общего или местного наркоза. (Прим. автора).

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Глава 1

Егора распирало от нахлынувшего ощущения счастья. Он скакал, прыгал, крутился колесом, желая как можно острее выразить свои эмоции.

Девушка с чёрными волосами улыбалась и с нежностью смотрела на его дурачества.

Наконец парень устал и подбежал к ней, а она плавно положила свои руки ему на плечи и притянула к себе поближе.

От неё пахло мёдом и душистыми полевыми цветами. И аромат этот дурманил похлеще любых флюидов.

Егор тоже обнял девушку за талию, зарылся лицом в её мягкие волосы, и они замерли, наслаждаясь моментом...

Мир вокруг медленно закрутился, но с каждой секундой набирая обороты. И вот уже предметы рядом невозможно было рассмотреть. Всё слилось в однородной массе, и он почувствовал, что в его объятиях больше никого нет.

Страх и отчаянье заполнили его сознание. Он хотел закричать, но не смог – рот только открывался как у рыбы, а звуков не издавал.

Егор начал задыхаться и проснулся...

Комнату заливал предрассветный тусклый свет. Из открытого окна тянуло осенней прохладой и выхлопными газами. Слышалось шуршания шин и далёкие сигналы автомобильных клаксонов.

Он поёжился от пробежавших по спине мурашек.

Опять снилась Лиана. Только сегодня она исчезла, и наступил хаос...

Будничное жужжание жизни постепенно возвращало уверенность, и исчезновение девушки уже не казалось, чем-то бедственным. До очередной явки оставалось больше десяти часов...

Егор наскоро позавтракал и поехал на тренировку. Впервые за несколько месяцев...

Когда он важно вырулил со двора на своём «Харлее», машин на проезжей части заметно прибавилось.

«И откуда они только все понабрались!», – пронеслось в голове Егора.

Хотя в их провинциальном городке пробки давно уже не были редкостью...

Грациозно лавируя между потоком, он попробовал набрать скорость, но спешащие автомобилисты не торопились уступать дорогу. Егор нервничал. К тому же он забыл включить музыку, и теперь городская возня была частью и его самого.

Подрезав белый «Мерседес», Егор умудрился вылезти чуть вперёд и тут же резко дал по тормозам, остановившись буквально в сантиметре от чёрного «Volvo», который возник как бы из ниоткуда.

Парень громко выругался и крепко сжал руль. Водитель иномарки, видимо, не торопился трогаться с места – Егору даже показалась, что машина слегка качнулась, как будто в салоне шла какая-то возня. Мотоциклист медленно обошёл своё препятствие справа. Впереди обозначился просвет, и он – воздавая хвалу богу! – хотел поскорей умчаться, но правая нога почему-то не торопилась давить на газ.

Проезжая мимо окон «Volvo», он повернул голову и замер: прямо на него испугано смотрели два знакомых глаза.

Девушка из его снов материализовалась в самый неподходящий момент.

Он тряхнул головой, дабы убедиться, что до сих пор не спит. В это время послышались недовольные сигналы едущих сзади водителей, и ему пришлось продвинуться вперёд. Возможности ещё раз заглянуть в машину не представилось, и он медленно поехал дальше.

Воспользовавшись первой подвернувшейся возможностью, он вырулил к обочине, остановился, рывком стащил с себя шлем и впился глазами в автомобильную пробку. Минут пять он «сканировал» все проезжающие авто, но нужного так и не обнаружил.

«Сквозь землю, провалился, что ли?», – подумал Егор.

Он попытался сосредоточиться и в итоге – не найдя ничего более разумного! – списал всё на усталость и излишне разыгравшееся воображение. Даже поверил на время в эти объяснения происходящего...

Он тягал штанги до седьмого пота в спортзале, накачивал икры на беговой дорожке, отжимался, но в голове всё равно шёл непрекращающийся процесс мышления.

«Что это было?», – этот вопрос пока оставался главным на весь оставшийся день, да и ночь – тоже...

Егор въехал на стоянку локомотивного депо за час до смены. Припарковал «Харлея» на обычном месте и пошёл в ангар.

Не успел зайти, как к нему подлетел начальник колонны.

– Твой помощник совсем охренел! – орал ушастый мужик, теребя в руке какие-то бумажки. – От него за километр перегаром несёт. Он как комиссию проходить будет?

– Отстань, Палыч, – меланхолично отозвался Егор. – Как всегда проходит – так и сегодня пройдёт.

Лопоухий «ТЧ»⁹ ещё немного покричал, а потом плюнул и ушёл восвояси.

Егор подошёл к молодому парню, вальяжно развалившемуся на стареньком диванчике.

– Серёга, вылетишь же. Я заступаться не буду. Ты меня знаешь.

Тот только махнул рукой и закрыл глаза...

Через сорок минут они сидели в кабине локомотива...

Комиссию на удивление прошли быстро. Молодая медичка не стала кочевряжиться и поставила допуск. Да и к счастью не так уж сильно и разило от Сергея.

Сегодня они вели пассажирский, поэтому в поездку отправились точно по времени, вышли за полночь. В этот раз прицепились под екатеринбургский поезд. Через несколько часов придут на место, там отсидаются или отлёжятся – это как повезёт? – в бригадном доме и поползут назад.

Состав медленными рывками набирал ход.

Егор пытался сосредоточиться на работе, но в голову, как назло, лезло утрешнее происшествие. Он снова был готов поклясться, что видел именно Лиану. Но тогда это смахивает на мистику, если он, конечно, не сошёл с ума.

Но сейчас к общему недоумению добавилось ещё и ощущение, что в момент их первой встречи она нуждалась в помощи. Её глаза выдавали испуг, тогда он не придавал этому значения, а теперь – мучился.

Егор не разгонял поезд – всё равно через пятнадцать минут скорый пойдёт на обгон. Состав уже приближался к стрелке, когда он, приспуская скорость до минимальной, боковым зрением заметил мелькнувшую тень.

– Мать твою! – громко выругался Егор. – Там шляется кто-то.

⁹ ТЧ – Тяговая Часть. Здесь имеется в виду начальник тяговой части локомотивного депо. (Прим. автора).

– Самоубийца, что ли? – испугано спросил Сергей.

За десять лет работы Егор только однажды сбивал человека, решившего уйти из жизни таким способом. И это случай долго отзывался в его сознание тяжёлыми воспоминаниями с привкусом горькой вины. И ему совсем не хотелось повтора.

Состав прополз ещё метров двадцать и встал.

Егор сорвался с места и побежал к выходу.

– Куда? – заорал помощник. – Нельзя же!

Но машинист уже не слышал, он в один прыжок преодолел подножку и спрыгнул на землю. Включил карманный фонарь и двинулся вдоль локомотива, освещая боковые кусты.

Кругом тишина.

Вдруг где-то громко хрустнула ветка, и Егор остановился, чутко прислушиваясь к звукам. Но всё опять смолкло.

Он, ориентируясь на собственное чутьё, спустился с откоса – благо, что здесь он был совсем маленький – и нырнул вглубь посадок.

Егор не отличался спецназовской подготовкой, но почему-то сейчас его слух волшебным образом обострился, и он отчётливо услышал приглушённое дыхание.

Осторожно ступая, он сделал ещё несколько шагов, обошёл дерево и резко поднял фонарик.

Девушка зажмурилась от яркого света, а машинист остолбенел.

– Лиана...

Гул приближающегося поезда нарастал с каждой секундой...

Пока вагоны грохотали в нескольких метрах от них, парень и девушка продолжали смотреть друг на друга.

– Егор, блин, немедленно возвращайся! – взвизгнул в темноте помощник.

– Опустит фонарь. Слепишь, – послышался следом тихий грудной голос.

Он перевёл луч в другую сторону.

Девушка попыталась обогнуть его застывшее тело и двинуться дальше, но он неожиданно схватил её за руку и потащил за собой. Она начала сопротивляться, но он лишь сильнее сжал ладонь. Так и притащил к локомотиву...

Серёга ошалело уставилась на парочку, и пока Егор пытался впихнуть брыкающуюся находку в тамбур, не проронил ни слова. Но как только девушка скрылась в глубине кабины, обрушил на него поток негодования.

– Ты с ума сошёл, а? Не положено! Зачем ты её подобрал, пусть бы шаталась по лесу. Нам-то какое дело, что она тут делает!

– Заткнись! – резко оборвал помощника Егор и, легко запрыгнув на подножку, устремился к контроллеру.

Напарнику ничего не оставалось кроме как последовать за начальником.

В кабине было душновато...

Поезд вновь медленно набирал скорость, и Егор попытался украдкой разглядеть девушку, которую в жизни видел всего второй раз, но сотни – во сне.

Как только состав двинулся, она присмирела и вжалась в боковую перегородку.

Он ожидал, что сейчас в его груди что-то ёкнет – ведь такие совпадения не могут быть случайными! – но вместо этого почувствовал лишь раздражение от того, что ввязался в очередную историю.

«Глаза красивые, а в остальном – обычная...», – сделал он наконец вывод и успокоился.

– Что уставился? – девушка заметила его взгляд и покрылась румянцем.

– Какого лешего ночью по путям шастаешь? – спросил вместо ответа за Егора Сергей.

– Вас забыла спросить! – парировала незнакомка.

В этот момент она повернулась, и Егор рассмотрел на её руке чуть ниже плеча синяк. Картинка потихоньку начала собираться.

– От маньяка убежала? – иронично спросил машинист.

– Хуже... – девушка сказала это без вызова, даже с испугом, и Егору стало её жаль.

Она, видимо, начала отходить от шока и задрожала.

– Серый, чаю налей! Видишь, дрожит вся. И свитер мой старый дай, – и Егор переключил своё внимание на дорогу.

Пока помощник возился с кипятком, девушка успела надеть кофту и присела на маленький стульчик в углу.

Сергей подал ей алюминиевую кружку с дымящимся напитком и уселся на своё место.

Они ехали в тишине довольно долго...

Сергей, которого, видимо, разбирал интерес, наконец не выдержал и спросил:

– Как тебя звать-то? Анна Каренина?

– Алёна, – ответила та недовольно и добавила. – И я не собиралась под поезд бросаться.

– А что тогда делала? – не унимался помощник.

– Если всё как есть расскажу – всё равно не поверите.

– А ты попробуй, – подал голос Егор, которому страшно хотелось узнать её историю, но выспрашивать не позволяла гордость.

Алёна напряглась, ей было неуютно в этой роли, но она решила рассказать всё как есть вместо того, чтобы ещё больше нагнетать обстановку неясностью. К тому же она уже видела этот самый момент раньше, и тот, кто притащил её сюда, отреагировал в её видениях вполне нормально.

* * *

После смерти бабули Алёна почти неделю ходила, как во сне...

Она смутно помнила похороны, каких-то людей, снующих по дому. Отвечала на вопросы невпопад и даже засмеялась на кладбище, вызывая у людей к себе лёгкое пренебрежение, как к полоумной.

Когда в доме всё стихло, одиночество обрушилось на неё отрезвляющей болью. По мере того, как отчаянье росло в её сознании, она возвращалась к реальности.

Чтобы хоть как-то заглушить эмоции, она принялась убирать дом. С утра до вечера она скоблила, драила, отмывала всё, что попадалось в её поле зрения. Когда вся изба была вылизана, она отправилась на огород, но вскоре стала выдыхаться...

Как-то вечером Алёна лежала в постели с книжкой. Она дошла до самого интересного места, но вдруг услышала какой-то шорох за окном. Испугавшись, она погасила ночник и выглянула.

Возле дома маячили две фигуры.

Алёнка лихорадочно перебирала в уме все возможные варианты непрошенных гостей. И остановилась на местных забулдыгах – Саньке и Витьке – которые иногда захаживали к бабе Тасе за «копеечкой», если не хватало на бутылку.

Немного осмелев от такой догадки, она поспешила на улицу, чтобы выпроводить визитёров. Но едва её нога ступила на порог за входной дверью, она почувствовала, как горячая и влажная ладонь накрыла её рот. Потом последовал укол.

Проваливаясь в темноту, она успела услышать три слова: «Это – точно она!»...

Ей показалось, что очнулась она через минуту после потери сознания. Но потом узнала, что была не в себе почти сутки.

К её удивлению комната, в которой она находилась, была чистой и светлой. Кровать с мягким матрасом, рядом – столик, на нём стояли бутылка минеральной воды и бокал, увидев которые девушка тут же поняла, что очень хочет пить.

К ней долго никто не заходил, и она лежала, уставившись в потолок...

* * *

– Потом меня куда-то повезли и, выбрав удачный момент, я сбежала. Где-то блуждала и вот наткнулась на вас.

Алёна закончила свой рассказ резко, словно боялась, что если не остановится, то выдаст всё, а тогда рассчитывать на понимание будет бесполезно.

А утаила от своих слушателей она многое...

Она не рассказала, что ещё до похищения её стали мучить странные видения. Картинки приходили внезапно и также внезапно исчезали. Она словно каждый раз смотрела обрывающийся фильм, но самое страшное, что и связать его с чем-то конкретным она не могла.

Неизвестность пугала...

Но в тот критический момент, когда она поняла, что ей угрожает реальная опасность, сознание мобилировалось. И она наперёд знала, в какой момент лучше улизнуть от похитителей, куда свернуть и куда забежать, чтобы утаиться. Она видела и этого хмурого машиниста, который сильно ей кого-то напоминал.

Но она так и не решилась сказать это вслух...

Пока Алёна сидела, о чём-то задумавшись, Егор уже не сомневался, что это её он видел утром. Но теперь его одолевали сомнения: а правильно ли он сделал, что взял эту девушку с собой? И говорит ли она всю правду?

Немного поразмыслив, он спросил:

– На какой машине тебя везли, помнишь?

– Не знаю. Я же деревенская и не разбираюсь в этом.

Серёга прыснул от смеха, но Егору было не до веселья.

– Чёрная иномарка?

– Да.

– Значит, всё-таки это тебя я видел утром, – зачем-то ещё раз подтвердил он очевидное. Алёнка вспыхнула как факел. В голове всё поплыло, ей катастрофически не хватало воздуха, и она начала медленно сползать со стула.

Пока перепуганный Сергей крутился над ней, пытаясь обрызгать её лицо водой, она смотрела новое кино. Только сейчас она вспомнила Романа...

Она забыла о своих снах тогда, после смерти бабушки. И не вспоминала о них, как будто они никогда и не были частью её маленького мира.

Но всё вернулось, и радость, перемешанная со страхом, впиалась в мозг, как острая спица. Она снова видела его и боялась за его жизнь. В этом эпизоде было много крови и его посиневшее от ударов лицо.

Алёнка закричала и отключилась.

– Чёрт! Чует моё сердце – в нехорошую историю мы влипли! – закудаhtал Сергей, рассматривая распластавшееся без движения, тело. – И здоровая она – не поднимешь.

Егор ещё в первые минуты этого непонятного приключения заметил, что Алёна совершенно ничем не отличалась от его Лианы и тоже была «в теле», с округлыми формами.

– Садись! – скомандовал он помощнику и отошёл от управления.

– У меня же доступа нет... – нерешительно промямлил тот.

– Садись! Я сказал!

Егор подошёл к девушке и присел рядом с ней на пол. Приподнял её за плечи и положил голову на свои колени. Разметавшиеся волосы закрывали часть её лица, и он убрал их. Она была бледной, под глазами образовались тёмные круги, пухлые губы потрескались и немного искривились.

«И всё-таки она, родная...», – подумал Егор. – «А может быть, я просто окончательно свихнулся?».

Он легонько похлопал её по щекам.

Она вздохнула и медленно открыла глаза. Испуг, ещё секунду назад искажающий её лицо, вдруг сменился тёплой, почти нежной улыбкой.

И он улыбнулся ей в ответ.

Глава 2

Наталья и Давид сидели на диване просторной круглой гостиной, обставленной в стиле ампир.

Всё здесь дышало богатством и честью, выдавая недвусмысленное желание хозяина демонстрировать не только размер своего банковского счёта, но и намекнуть на непростые корни происхождения. Мебель из натуральных пород дерева, обитая современными материалами – вся плавная, обтекаемая, украшенная инкрустацией, резьбой и золотым орнаментом. Военная геральдика в виде нескольких мечей и копий, развешанных по стенам, тоже вносила свою нотку помпезности. Высокие колонны, заканчивающиеся резными капителями, явно выполнены на заказ по эскизам самого хозяина, слишком причудливые для обычного ума. И, конечно, куча всякой богатой ерунды: подсвечники, маленькие копии античных скульптур, и всё это в сочетании с современной электроникой.

Утопая в мягких чёрно-белых подушках, Наташа старалась сохранить присутствие духа, но где-то глубоко внутри нервы подёргивало, от чего дыхание её то и дело прерывалось...

Час назад их самолёт приземлился в международном аэропорту Израиля «Бен Гурион», и спустя полчаса представительный «Ferrari California», с не менее представительным и молчаливым водителем, доставил их в город Нетанию, на виллу господина Гурдесвьора.

Всё расстояние от воздушной гавани до конечного пункта Наташа пребывала в трансе, не обращая внимания на красоту Средиземноморья, мелькавшую за окном.

Молоденькая стройная служанка разлила по миниатюрным чашечкам кофе и, поклонившись, вышла из помещения.

Едва за ней закрылась дверь, хозяин сих апартаментов, сразу же перешёл к делу. Это был пожилой щупленький мужчина, с приятными, но острыми чертами лица. Подбородок его обвивала реденькая седая бородка. Глаза смотрели на гостей хищно и изучающее.

Наконец, он заговорил:

– Рад, что вы приняли предложение, – он отпил глоточек ароматного напитка и посмотрел Наташе в глаза, но та выжидательно молчала, и он продолжил. – Но прежде чем договор вступит в силу, я бы хотел уточнить одну деталь...

Наташа вздрогнула и провела рукой по лбу. На нём выступила испарина. И последняя надежда на то, что всё обойдётся, улетучилась, как полуденный сон. Ей достаточно было мельком взглянуть в глаза этого наглого старикана, чтобы понять – ему всё известно.

Но она упорно не желала мириться с действительностью. И снова промолчала.

– Итак... – продолжил господин Гурдесвьор. – У вас есть ребёнок. И по моим данным – ему сейчас двадцать лет.

– Нет. Ваши данные не верны, Арон, – перебил его Давид. – У Натальи никогда не было детей. Она не может себе это позволить.

Арон Гурдесвьор поставил свою микроскопическую чашечку на изящный столик более нервно, чем предполагали правила этикета, но быстро взял себя в руки и полез в карман своего дизайнерского пиджака. Он достал снимок.

Наташа ещё не видела, что на нём запечатлено, но сердце бешено заколотилось в предчувствии неминуемой беды.

– Тогда... Как вы прокомментируете это? – и он протянул фотографию Давиду.

Тот взял карточку дрожащими руками и медленно опустил глаза.

На него смотрела молодая Ната. Она нежно прижимала к груди маленький живой свёрток, перетянутый розовой лентой.

Он сам сделал это фото двадцать лет назад, но потом – когда Наташа отдала ребёнка – спрятал его подальше. Да так, что и сам забыл куда именно.

«Этот Гурдесвюр обладает большими возможностями, чем они могли предположить, раз смог раздобыть это фото...», – подумал Давид. – «Наверное, побывал в моей квартире...».

Он решил идти ва-банк, в конце концов, возьми он сейчас позицию отрицания – это навлекло бы на них ещё больше туч, которые и без того неумолимо сгущались над их с Наташей головами.

– Арон, мы не знаем, где находится девочка. Наташа отдала её в детдом через год после рождения. Вы должны нам верить, кроме того: ребёнок зачат от обычного мужчины, и вряд ли – нет, я даже уверен! – обладает способностями матери.

– Бросьте! – взвизгнул старик. – Я знаю всё. Эта девочка должна быть гораздо сильнее вашей спутницы. И как раз то, что она – дочь обычного мужчины, делает её таковой. Вы, русские, всегда хотите обмануть. Я долго терпел, но сейчас хочу знать всё.

Давид посмотрел на Наташу в поиске хоть какой-то реакции на её лице, но та застыла, как одна из античных статуй, расставленных по всей этой немыслимой комнате. А лицо её – всегда смуглое – теперь казалось белым и безжизненным.

– Чего вы хотите, Арон? – спросила она бесцветным голосом.

– Я хочу знать всё... – ответил Гурдесвюр. – Всё о возможностях человека.

– Но при чём здесь мы? – искренне удивился Давид.

– Разве ваша спутница не рассказала вам, кем был её отец? – в свою очередь удивился Арон.

Давид повернулся к Наташе.

В самом деле, почему за всё время их общения ему ни разу не пришло в голову спросить её об этом?

Он – как тот пёс! – служил ей верой и правдой, оберегал от лишних потрясений и никогда не лез в душу...

Давида осенило.

– Так ты воздействовала на меня! Лишила интереса к твоей тайне, а вместо этого добавила ещё и чувство долга?

– Преданности... Я бы так сказала, – тихо поправила его Наташа.

– Но ты лишила меня выбора, – с горечью произнёс Давид.

– Потом будете разбираться между собой, – перебил их Арон. – Сейчас мой помощник увезёт вас на квартиру, где вы будите жить. Всё остальное – по мере развития событий. Ах, да, чуть не забыл. Вам придётся пока носить вот это.

Арон поднялся со своего шикарного кресла, подошёл к ним и подал два тонких металлических браслета.

– Что это? – спросила Наташа.

– А это – моя гарантия. Надевайте. Ничего страшного не произойдёт. Я только буду уверен, что вы не наделаете глупостей, – и он выжидательно глянул на своих гостей.

Наташа и Давид посмотрели друг на друга, а потом сомкнули кольца у себя на запястьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.